

Ф. В. Фаррар

Первые дни христианства

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф11

Ф11 **Ф. В. Фаррар**
Первые дни христианства: Часть 2 / Ф. В. Фаррар – М.: Книга по Требованию, 2014. – 598 с.

ISBN 978-5-458-15864-0

Первые дни христианства.

ISBN 978-5-458-15864-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

торая въ его природномъ темпераментѣ столь чудесно перемѣжалась съ мужествомъ; та пластичность, которая давала его дѣйствіямъ іудейскій оттѣнокъ въ теченіе всего того времени, пока онъ былъ окруженъ старѣйшинами въ Іерусалимѣ или посланными, приходившими отъ Іакова въ Антиохію,—были причиной того, что онъ долго считался со стороны обращенныхъ іудеевъ (несомнѣнно противъ своей собственной воли) вождемъ партіи. Тѣмъ не менѣе онъ былъ однимъ изъ первыхъ, которые поняли вселенскій характеръ евангельскаго благовѣстія, и съ ревностью выступилъ на поддержку трудовъ и усилій св. ап. Павла съ цѣлью освобожденія язычниковъ отъ подзаконнаго ига. И когда онъ началъ свое миссіонерское путешествіе, то его міросозерцаніе расширялось болѣе и болѣе, такъ что онъ, какъ мы видимъ изъ его посланій, уже безъ всякаго ограниченія принималъ апостольскую проповѣдь ап. Павла. Когда мы сопоставимъ христіанское ученіе, какъ оно излагается въ посланіяхъ св. Іакова и ап. Павла, то найдемъ въ нихъ какбы противоположныя, но въ сущности дополняющія одна другую истины, именно такъ, какъ это необходимо было для полнаго пониманія каѳолической истины въ ея многообразной приложимости къ человѣческимъ потребностямъ. Ап. Петръ занимаетъ посредствующее и примирительное положеніе между этими двумя апостолами: онъ болѣе прогрессивенъ, чѣмъ св. Іаковъ, менѣе самобытенъ и независимъ, чѣмъ ап. Павелъ. Но выразить конечное слово христіанскаго откровенія, положить, такъ сказать, великій краеугольный камень, который былъ еще нуженъ для завершенія и укрѣпленія величественнаго свода истины, было представлено въ качествѣ особенной чести „возлюбленному ученику“ Спасителя. И это было именно завершающимъ дѣломъ того преклоннаго возраста, который, какъ особенное благословеніе для церкви Христовой, былъ особенно продолженъ для апостольскаго свидѣтеля зари втораго столѣтія христіанской церкви ³⁾.

Но въ лицѣ св. ап. Іоанна мы видимъ также то возрастаніе духовнаго просвѣщенія, которое сдѣлало его жизнь непрерывнымъ воспитаніемъ. Въ его позднѣйшихъ сочиненіяхъ мы находимъ болѣе глубокое проникновеніе въ истины, чѣмъ какое возможно было для него прежде, чѣмъ Богъ, не „показалъ ему всѣхъ вещей въ медленномъ созрѣваніи исторіи“. „Сынъ громовъ“, какимъ онъ является въ синоптическихъ евангеліяхъ, долженъ былъ еще поучаться въ теченіе многихъ лѣтъ, прежде чѣмъ онъ могъ сдѣлаться святымъ апостоломъ Іоанномъ, которому на островѣ Патмосѣ сообщено было таинственное откровеніе (Апокалипсисъ). Ап. Іоаннъ, видѣвшій откровеніе, долженъ былъ еще въ теченіе многихъ лѣтъ поучаться и быть свидѣтелемъ паденія Іерусалима,

прежде чѣмъ онъ, смотря на мѣръ съ снѣговой вершины пережитыхъ имъ девяносто зимъ, могъ сдѣлаться авторомъ четвертаго евангелія, апостоломъ христіанской любви. Но всѣ, тянущіеся на такомъ большомъ пространствѣ, дни жизни ап. Іоанна не были раздѣлены между собою какимъ либо поражающимъ переломомъ, а всѣ, отъ перваго до послѣдняго „были связаны между собою неизмѣннымъ благочестіемъ“. Въ жизни ап. Павла видѣніе на дорогѣ въ Дамаскъ оставило глубокую пропасть между его ранними и поздними годами. Характеръ апостола сохранилъ въ себѣ тѣже самыя черты, но его міросозерцаніе мгновенно измѣнилось. Павелъ-апостоль только съ мукой угрызенія совѣсти могъ озираться на мысли и дѣла Савла-гонителя. Подобно бл. Августину, онъ представляетъ собою типъ тѣхъ пламенныхъ натуръ, которыя приводятся къ Богу и на служеніе истинѣ наступающимъ въ нихъ внезапнымъ переломомъ. Ап. Іоаннъ съ другой стороны былъ однимъ изъ тѣхъ чистыхъ святыхъ, которыми рано овладѣваетъ благодать Божія и въ жизни которыхъ разумъ и религія дѣйствуютъ совмѣстно для произведенія истинно великой и святой жизни.

Едва ли когда либо человѣкъ предназначался для болѣе славной участи, чѣмъ какая ожидала этого апостола, когда онъ еще мальчикомъ игралъ около лодки своего отца на свѣтлой полосѣ песку, окаймлявшей берегъ, на которомъ лежала его родная Виесаида. Отецъ его былъ Завдія или Зеведей, о которомъ мы ничего не знаемъ кромѣ того, что онъ былъ рыбакъ, достаточно состоятельный для того, чтобы нанимать для себя рабочихъ (Марк. I, 20). Въ матеріальномъ отношеніи онъ очевидно находился въ лучшихъ обстоятельствахъ, чѣмъ его сотоварищъ Іона, отецъ ап. Петра и Андрея. Жена его была Саломія, сестра Пресвятой Дѣвы Маріи. То обстоятельство, что она была одной изъ тѣхъ женщинъ, которыя служили Спасителю своимъ имѣніемъ и также принесли значительное количество благовоній въ Его гробу, опять служить признакомъ того, что Зеведей и его жена не были бѣдными. У нихъ были сыновья Іаковъ и Іоаннъ, которые такимъ образомъ были двоюродными братьями Спасителя по плоти ⁴⁾).

Въ первый разъ мы встрѣчаемъ Іоанна, когда видимъ его среди учениковъ Іоанна Крестителя на берегахъ Іордана. Есть однакоже свидѣтельство, что въ своемъ зрѣломъ возрастѣ онъ казался ученымъ членомъ синадріона іерусалимскаго человѣкомъ „не книжнымъ и простымъ“ ⁵⁾). Приэтомъ гордые книжники и фариसेи несомнѣнно употребляли обычный у нихъ презрительный терминъ *ам-гаарецъ*, — техническое выраженіе, гораздо болѣе презрительное, чѣмъ его буквальный переводъ „люди земли“ ⁶⁾). Ясно, поэтому, что онъ никогда не былъ тѣмъ, что они называли, „уче-

никомъ мудрыхъ“, и не получилъ образованія въ той тяжеловѣсной системѣ устнаго закона, которую они только и считали ученостію. Для него было истиннымъ благомъ, что онъ не получилъ такого воспитанія. Раввинство того времени было не что иное, какъ система схоластическаго педантизма, неспособная къ достиженію какихъ либо возвышенныхъ духовныхъ цѣлей и однакоже способная воспламенять умы своихъ приверженцевъ напыщеннымъ самомнѣніемъ призрачнаго знанія. О такой учености справедливо можно сказать словами Гераклита, что она „ничему не научаетъ“⁷⁾.

Съ другой стороны, изъ собственныхъ писаній св. ап. Іоанна мы видимъ, что онъ былъ человѣкъ высокихъ природныхъ дарованій и настолько былъ образованъ, что зналъ какъ греческій, такъ и еврейскій языки⁸⁾, изъ которыхъ послѣдній былъ незауряднымъ преимуществомъ даже хорошо образованныхъ іудеевъ. Помимо своей несравненной способности къ воспринятію духовной благодати, его природныя дарованія проявляются въ глубокомъ проникновеніи въ человѣческое сердце; въ той драматической силѣ, съ которою немногими чертами онъ даетъ намъ самое живое представленіе о самыхъ разнообразныхъ характерахъ; въ его слогѣ, повидимому столь простомъ и однакоже въ дѣйствительности столь глубокомъ, слогѣ въ высшей степени прекрасномъ и однако же непохожемъ на слогъ какого бы то ни было другаго писателя, какъ церковнаго, такъ и гражданскаго; и главнѣе всего въ томъ обстоятельствѣ, что онъ былъ столь пригоднымъ и избраннымъ сосудомъ для выраженія высочайшей истины, именно истины воплощенія Слова Божія. Эта истина, въ которой однимъ смѣлымъ почеркомъ обняты умозрѣнія александрійской теософіи, сдѣлалась въ свою очередь исходнымъ пунктомъ для самыхъ священныхъ изреченій всѣхъ христіанскихъ мыслителей до конца вѣковъ.

Его родная Галилея была населена самымъ отважнымъ и прямодушнымъ племенемъ въ Палестинѣ⁹⁾. Жители ея отличались преданностью своей теократической національности. Они ненавидѣли и презирали какъ римское владычество, такъ и Иродову сатрапію, которая была его внѣшнимъ признакомъ. Возмущеніе Іуды галилейскаго противъ переписи Квирина показывало то негодованіе, съ которымъ галилеяне смотрѣли на низведеніе святой земли въ униженное положеніе римской провинціи. Девизомъ этого возстанія было то, что избранный народъ не долженъ имѣть „ни господина, ни владыки, а только Бога“. Какъ ни дико и ни безнадежно было это возстаніе, подвергшееся страшному мщенію со стороны римлянъ, однакоже неудача его такъ мало подавила духъ патріотизма, послужившій къ его возбужденію, что для сы-

новой Иуды не трудно было нѣсколько лѣтъ спустя (въ 8 году по Р. Хр.) раздуть тлѣющіе угли въ новое пламя (въ 47 и 66 гг.). Возмущеніе Иуды произошло въ то время, когда ап. Іоанну было около 20 лѣтъ отъ роду,—возрастъ, въ которомъ іудейскій мальчикъ вступалъ въ отправленіе обязанностей зрѣлости. Конечно невѣроятно, чтобы это событіе, произведшее столь обширное волненіе, прошло безъ всякаго слѣда въ его памяти. Его симпатіи навѣрно были на сторонѣ цѣлей, если не дѣлъ, этого смѣлаго патріота. Въ обоихъ сыновьяхъ Зеведея мы видимъ нѣкоторую огненную запальчивость, и она то именно послужила поводомъ, по которому Спаситель далъ имъ прозваніе „Воанергесъ“ — сыновъ грома ¹⁰⁾. Они вѣроятно раздѣляли нѣкоторые изъ тѣхъ взглядовъ, которыми нѣкогда руководился ихъ собратъ апостоль Симонъ Зилотъ ¹¹⁾.

Если домъ Зеведея находился въ самой Виесаидѣ, или около нея, то два его сына должны были возрасть въ постоянномъ общеніи съ Филиппомъ, Андреемъ и Петромъ, съ его двоюродными братьями, сыновьями Алфея и съ Наанаиломъ, жителемъ неподалеку лежавшей Каны. Посѣщалъ ли онъ когда нибудь домъ Пресвятой Дѣвы Маріи въ Назаретѣ и видѣлъ ли безгрѣшную юность Іисуса и суровую законническую ревность „Его братьевъ“, — мы не знаемъ; но во всякомъ случаѣ мы видимъ, что онъ получилъ то лучшее изъ воспитаній, которое состоитъ въ жизни среди прекрасныхъ и благородныхъ натуръ, и въ свободной здоровой жизни суроваго призванія и прекрасной страны. Но что болѣе всего облагороживало душу этихъ юныхъ галилеянъ, такъ это именно то, что съ совершеннымъ упованіемъ на Бога они всѣ пламенно ожидали утѣшенія Израилева, искренно лелѣяли въ своей душѣ мысль, лежавшую въ глубинѣ сердца всего того, что было лучшаго и глубочайшаго въ Ветхомъ Завѣтѣ, именно надежду, что навонецъ придетъ обѣтованный Мессія.

О раннихъ годахъ его жизни намъ не сообщается ни одной подробности. Впервые мы видимъ его—очевидно, уже въ лѣтахъ первой возмужалости—въ качествѣ ученика Іоанна Крестителя ¹²⁾. Рассказывая объ этомъ событіи, онъ не упоминаетъ своего имени, такъ какъ въ своемъ Евангеліи онъ вообще обнаруживаетъ отличающую его сдержанность. Но никогда не возникало сомнѣнія касательно того, что онъ именно есть тотъ ученикъ, который былъ съ ап. Андреемъ, когда они услышали отъ своего учителя слова, которыя должны были оказать вліяніе на всю ихъ послѣдующую жизнь. Іоаннъ Креститель, принявъ депутацію, которую прислалъ синадріонъ для изслѣдованія его пророческихъ правъ, заявилъ ей, что онъ не Христосъ, не Ілія, и не пророкъ. На слѣдующій

день онъ увидѣлъ Иисуса, идущаго къ нему по своему возвращеніи изъ пустыни, гдѣ Онъ подвергался искушенію. Тогда онъ впервые сказалъ: „вотъ агнецъ Божій, который беретъ на себя грѣхи міра“! и свидѣтельствовалъ, что онъ видѣлъ Духа, нисходящаго съ неба, подобно голубю, и почивающаго на небѣ. Затѣмъ на слѣдующій день, устремляя свой взоръ на проходившаго мимо него Иисуса, воскликнулъ: „вотъ агнецъ Божій“! Эти двое его учениковъ тотчасъ же послѣдовали за Иисусомъ. Обернувшись и взглянувъ на нихъ, когда они шли за Нимъ, Христосъ сказалъ: „что вамъ надобно“? Обращаясь къ Нему съ высшимъ титуломъ почтенія, какой только извѣстенъ былъ имъ, простые галилеяне отвѣчали: „Равви, гдѣ живешь“? Онъ сказалъ имъ: „идите и посмотрите“. Они пришли и увидѣли. Это было около 4 часовъ пополудни, и они провели съ Нимъ эту ночь. Это короткое общеніе было достаточнымъ для убѣжденія ихъ въ томъ, что Иисусъ есть Христосъ. На слѣдующее утро Андрей нашель своего брата Симона, и съ простымъ, но поразительнымъ заявленіемъ: „мы нашли Мессію“, привелъ его къ Спасителю.

Въ повѣствованіи не говорится, чтобы св. ап. Іоаннъ также искалъ своего брата, и ясно, что старшій сынъ Зеведеевъ былъ призванъ къ полному ученичеству лишь впоследствии на озерѣ Галилейскомъ. Что Іаковъ не сдѣлался послѣдователемъ Іоанна Крестителя, это, насколько мы знаемъ, зависѣло отнюдь не отъ различія въ характерѣ. Онъ добывалъ себѣ пропитаніе какъ рыбоводъ, и быть можетъ не имѣлъ случая оставить равнину Геннисаретскую. Въ другомъ мѣстѣ мы уже высказали предположеніе, почему именно ап. Іоаннъ могъ сдѣлаться послѣдователемъ Іоанна Крестителя, хотя его братъ не сдѣлался такимъ послѣдователемъ ¹³). У него были нѣкоторыя связи съ Іерусалимомъ, и даже былъ домъ тамъ ¹⁴). Мы находимъ объясненіе этого въ томъ обстоятельстве, что рыба озера Галилейскаго въ значительномъ количествѣ сбывалась въ Іерусалимъ, и нѣтъ ничего вѣроятнѣе, какъ то, что Зеведей, какъ главный рыбоводъ, долженъ былъ посылать своего младшаго сына, по крайней мѣрѣ случайно, въ святой городъ для наблюденія за этою, какъ одною изъ самыхъ доходныхъ, отраслю своего промысла. Если такъ, то для Іоанна было легко, менѣе чѣмъ въ одинъ день, достигнуть береговъ Іордана и слушать тотъ могучій голосъ, который тогда пробуждалъ какъ священниковъ и фарисеевъ, такъ и народъ, отъ ихъ нравственнаго сна.

Ученіе Іоанна Крестителя обращалось къ самымъ суровымъ наклонностямъ его юнаго послѣдователя. Его возвышенная нравоучительность, его прямодушное обличеніе, его безбоязненная независимость должны были оказывать сильное обаяніе на юнаго га-

лидеянина. Оно дѣлало его болѣе чѣмъ когда либо сыномъ грома. Объ Иоаннѣ Крестителѣ въ одномъ мѣстѣ говорится, что онъ былъ подобно пылающему факелу, что весь этотъ человѣкъ былъ апокалипсисомъ. Въ Апокалипсисѣ того, который въ теченіе нѣкотораго времени былъ его ученикомъ, мы еще повидимому слышимъ отголоски этого звучащаго голоса, чувствуемъ въ представляемыхъ имъ поразительныхъ образахъ слѣды землетрясенія и бури.

Первое призваніе ап. Иоанна на берегахъ Иордана было еще не окончательнымъ. Ап. Иоаннъ сопровождалъ Иисуса Христа на бракъ въ Канѣ Галилейской, и видѣлъ первое проявленіе Его божественной славы. Затѣмъ во время первоначальнаго служенія Иисуса Христа въ южной Іудеѣ, малое общество этихъ братьевъ повидимому на время предавалось своимъ обычнымъ занятіямъ. Только уже на озерѣ Галилейскомъ, послѣ чудеснаго улова рыбы, онъ получилъ рѣшительное призваніе: „слѣдуй за Мною!“ Онъ повиновался этому призыву. вмѣстѣ съ своимъ братомъ онъ оставилъ своего отца Зеведея и лодку съ наемными рабочими, оставили все и послѣдовали за Иисусомъ. О Зеведеѣ мы не слышимъ ничего болѣе. Вѣроятно онъ вскорѣ умеръ, потому что въ свѣтлый годъ галилейскаго служенія, прежде чѣмъ Иисусъ принужденъ былъ удалиться на сѣверъ въ полуязыческія области, мы находимъ, что Саломія, мать Іакова и Иоанна была уже „среди женщинъ, которыя служили Ему своимъ имѣніемъ“.

Апостолы, которыхъ Спаситель окончательно собралъ вокругъ себя передъ произнесеніемъ нагорной проповѣди, распадаются на три группы, по четыре человѣка каждая, изъ которыхъ первая и самая привилегированная состояла изъ апостоловъ Андрея, Петра, Іакова и Иоанна; изъ нихъ опять послѣдніе трое были избраннѣйшими изъ избранныхъ ¹⁵). Изъ апостоловъ только имъ однимъ было позволено присутствовать при воскресеніи дочери Іаира, преображеніи и мукахъ сада Геосиманскаго. И изъ этихъ трехъ опять самымъ близкимъ и возлюбленнымъ былъ Иоаннъ. Какъ о Петрѣ, такъ и Иоаннѣ, можно бы сказать, что они болѣе чѣмъ всѣ остальные были учениками, которыхъ Иисусъ любилъ въ качествѣ личныхъ сотоварищей ¹⁶); но одинъ только св. Иоаннъ — не съ цѣлью тщеславія, но съ простымъ свидѣтельствомъ истины — прямо, хотя и съ достойною сдержанностью, указалъ, что онъ былъ тѣмъ ученикомъ, котораго болѣе всего любилъ и почиталъ Иисусъ ¹⁷). Ап. Петръ болѣе выдавался въ качествѣ поборника Христова; ап. Иоаннъ былъ болѣе близкимъ другомъ Иисуса ¹⁸). И въ его евангеліи мы видимъ доказательство, что это именно было такъ. Первые три евангелиста правдиво рассказываютъ намъ о внѣшнихъ событіяхъ. Ев. Иоаннъ даетъ гораздо болѣе внутреннюю

картину. Онъ пишетъ какъ тотъ, которому даровано было знать нѣчто изъ самыхъ задушевныхъ мыслей своего Учителя¹⁹⁾. И однакоже это высокое почтеніе, эта выдающаяся личная любовь возникла не отъ безупречной идеальности его характера. Юноша, который столь знакомъ намъ благодаря итальянскому искусству, юноша неземной красоты, съ чертами почти женственной нѣжности, съ длинными свѣтлыми локонами, ниспадающими на плечи, и съ орломъ, сидящимъ рядомъ, не есть ап. Іоаннъ Новаго Завѣта: онъ не есть ни Іоаннъ первыхъ трехъ евангелистовъ и Апокалипсиса, ни Іоаннъ четвертаго евангелія и посланій, но односторонняя идеализація христіанскихъ живописцевъ²⁰⁾. Іисусъ любилъ его вслѣдствіе его теплыхъ чувствъ, его преданной вѣрности, его пламенной ревности, его восторженнаго энтузіазма, а не потому, что его характеръ какъбы приближался къ совершенству. Юному Іоанну предстояло очень многому поучиться и въ очень многомъ разучиться. Онъ не чуждъ былъ недостатковъ: раздражительности, нетерпѣливости, заносчиваго себялюбія, тщеславнаго буквализма, отсутствія разсудительности и нѣжности, тупости разумѣнія и ожесточенности сердца, которые, какъ правдиво передаютъ евангелія, были общими у всѣхъ учениковъ²¹⁾. Мало того, замѣчательно, что при всякомъ случаѣ, при которомъ онъ чѣмъ либо выдавался, одинъ или вмѣстѣ съ своимъ братомъ, онъ выдавался непременно въ связи съ какимъ нибудь заблужденіемъ въ мысли или въ дѣйствіи. Онъ долженъ былъ разучиться преувеличивать тѣ самыя тенденціи, которыя придавали его характеру столь много человѣческаго очарованія; онъ долженъ былъ постигнуть уроки терпимости, уроки милосердія, уроки смиренія, и потребовалась цѣлая жизнь для того, чтобы онъ могъ понять эти добродѣтели во всей ихъ полнотѣ, какъ подходящія подъ одинъ законъ христіанской любви.

Такъ, при одномъ случаѣ между апостолами возникъ самолюбивый споръ касательно того, кто изъ нихъ долженъ быть болѣшимъ (Лук. хіх, 49; Марк. ix, 34). Спаситель упрекнулъ ихъ, взявъ маленькое дитя и говоря какъ въ видѣ утѣшенія, такъ и въ видѣ укора: „кто приметъ одно изъ такихъ дѣтей во имя Мое, тотъ принимаетъ Меня“²²⁾. Совѣсть ап. Іоанна повидимому укорила его, когда онъ выслушалъ этотъ нѣжный и трогательный урокъ, и съ глубокою порывистостью сознался въ томъ, что онъ принималъ участіе въ дѣйствіи, въ которомъ теперь онъ увидѣлъ заблужденіе. „Наставникъ, сказалъ онъ, мы видѣли чловѣка, который именемъ Твоимъ изгоняетъ бѣсовъ, и запретили ему, потому что онъ не ходитъ съ нами“. Это заблужденіе вытекало изъ естественнаго побужденія духовной гордости и исключительности.

Человѣкъ этотъ не былъ апостоль, не былъ даже явнымъ ученикомъ; какое право имѣлъ онъ такимъ образомъ какбы, такъ сказать, присвоить себѣ кредитъ чудесъ, которыя принадлежали только Спасителю и который Онъ не передавалъ никому, кромѣ своихъ настоящихъ послѣдователей? „Кто это такой“, могъ думать ап. Іоаннъ, „кто этотъ неизвѣстный изгонитель, который такимъ образомъ вторгается въ наши привиллегіи?“ И такимъ образомъ, вмѣстѣ съ другими апостолами, онъ лишилъ этого человѣка присвоеннаго имъ себѣ права и запретилъ ему²³). При этомъ онъ руководился побужденіемъ отчасти подобнымъ тому, которое заставило Іисуса Навина воскликнуть: „господинъ мой, Моисей, запрети имъ“, когда онъ услышалъ, что Элдадъ и Модадъ пророчествуютъ въ станѣ. Великій законодатель тотчасъ же съ благороднымъ воодушевленіемъ отвѣчалъ: „не ревнуешь ли ты за меня? О, если бы всѣ въ народѣ Господнемъ были пророками, когда бы Господь послалъ Духа Своего на нихъ!“ (Числ. xi, 28). Такъ и теперь сразу же данъ былъ отвѣтъ, духъ котораго едва сталъ постигаться по прошествіи почти двухъ тысячъ лѣтъ христіанства: „не запрещайте; ибо кто не противъ васъ, тотъ за васъ“.

Еще и въ другой разъ Іоаннъ и его братъ Іаковъ нуждались въ суровомъ и публичномъ урокѣ. Они воспитаны были въ той исключительности, которая была чужда сердцу Христа; теперь они должны были понять, что религіозная нетерпимость и жестокая суровость составляютъ нарушеніе Его духа. Они должны были постигнуть или начать изучать урокъ, для уясненія котораго понадобились 19 столѣтій христіанской церкви, именно урокъ, что насиліе ненавистно Богу²⁴). Этотъ случай произошелъ при началѣ великаго общественнаго путешествія Спасителя изъ Галилеи въ Іерусалимъ, когда Онъ открыто принялъ достоинство Мессіи и былъ сопровождаемъ не только своими учениками, но и множествомъ послѣдователей, которые всѣ, подобно Ему, были паломниками. На ихъ пути въ святой городъ, первая деревня, которая лежитъ на границѣ Галилеи и Самаріи, при подошвѣ холмовъ Еффраима, есть прекрасная деревня Ея-Ганнимъ или источникъ садовъ, какъ тогда, такъ и теперь, населенная суровыми и фанатическими жителями. Многочисленность Его послѣдователей, а также и то обстоятельство, что Онъ теперь долженъ былъ вступить на территорію Самаріи, заставили предварительно послать вѣстниковъ, которые бы позаботились о приготовленіи для Него приема. Галилеяне не всегда осмѣливались путешествовать чрезъ Самарію, потому что напряженная враждебность между іудеями и самарянами постоянно приводила къ столкновеніямъ между самарянами и пасхальными паломниками. Однакоже дорога эта иногда

выбиралась праздничными караванами, и быть может Спаситель желалъ удостовѣриться, насколько сохранилось среди самарянъ воспоминаніе о Его прежнемъ пребываніи между ними, и можетъ ли оно обезпечить Ему и Его послѣдователямъ дружественный пріемъ. Но одинъ изъ безчисленныхъ, постоянно возникавшихъ споровъ сдѣлалъ самарянъ въ этотъ разъ болѣе чѣмъ обыкновенно враждебными къ іудеямъ. Нарушая правило гостепріимства, хотя оно составляетъ самое первое правило восточной жизни, жители Ен-Ганнима отказались принять странниковъ.

Отказать такимъ образомъ въ гостепріимствѣ усталой и голодной толпѣ, при подошвѣ сосѣднихъ холмовъ, вдали отъ другихъ деревень, при началѣ ихъ священнаго паломничества, было вопіющею несправедливостью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это было недвусмысленное оскорбленіе, — отказъ столь же открытый, какъ и отказъ гадаринцевъ признать теперь публичное достоинство Того, который просилъ ихъ гостепріимства. Сильный духъ сыновъ Зеведея тотчасъ же воспламенился отъ этого. Въ этой именно странѣ пророкъ Ілія, въ отмщеніе гораздо меньшей несправедливости къ себѣ, низвелъ огонь съ неба (4 Цар. 1, 9 — 14). Не настало ли время для Того, который больше Іліи, проявить Свое величіе и какимъ либо чудеснымъ знаменіемъ оживить унывающій духъ своихъ послѣдователей? „Видя то, ученики Его, Іаковъ и Іоаннъ, сказали: Господи, хочешь ли, мы скажемъ, чтобы огонь сошелъ съ неба и истребилъ ихъ, какъ и Ілія сдѣлалъ?“ Что удивительнаго въ томъ, что „сыновья грома хотѣли метнуть молніей?“ Но какъ знаменательны черты характера даже въ этихъ немногихъ словахъ: „хочешь ли, чтобы мы?“ — они хотятъ сами принять дѣятельное участіе въ чудѣ. Они также были оскорблены въ лицѣ своего Учителя. Они невольно сознаютъ, что низведение огня съ неба не вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру Того, который „ходилъ благотворя“, но они готовы сами предпринять это дѣло вмѣсто Него. Тѣмъ не менѣе, даже выражая это желаніе, они чувствовали нѣкоторый приступъ стыда. Не есть ли такой образъ дѣйствія мстительный и нетерпѣливый? Но по крайней мѣрѣ у нихъ есть оправданіе: „такъ дѣлалъ Ілія“. Они хотятъ прикрыть себя именемъ великаго пророка. Для своего земнаго гнѣва они могутъ указать примѣръ въ св. Писаніи. Увы! если бы было въ ихъ власти воспламенить небеса, они доставили бы только новый примѣръ тѣхъ преступленій, которыя совершались или оправдывались св. Писаніемъ. Но существенный урокъ всего Писанія состоитъ въ томъ, что хотя Іліины времена и могли требовать Іліина духа, однакоже времена Іліи прошли навсегда, и духъ Іліи не есть духъ Христовъ. Для христіанъ во всякомъ случаѣ написано ясно

и отчетливо на каждой страницѣ Новаго Завѣта, что „гнѣвъ чело-
вѣка не содѣйствуетъ праведности Божіей“²⁵). И какъ полонъ
назидательности укоръ Христовъ! Онъ не остановился для того,
чтобы подвергать этотъ вопросъ апостоловъ подробному опровер-
женію. Онъ не обнаружилъ сокрытыя нити себялюбія и страсти,
послужившія поводомъ къ этому запальчивому требованію. Онъ не
оспаривалъ приведеннаго ими изъ св. Писанія примѣра. Онъ не
указываетъ на то, что тексты могутъ подлежать злоупотребленію,
если ихъ прилагать къ ненависти и человѣческой враждѣ, зарож-
дающейся въ фанатизмѣ религіозной суетности. Онъ не упрекаетъ
ихъ за равнодушіе къ страданію другихъ, на которое указывается
въ словахъ: „хочешь ли, мы скажемъ, чтобы огонь сошелъ съ
неба и *истребилъ ихъ?*“—нѣтъ, но, обернувшись, Онъ упрекнулъ
ихъ и сказалъ: „не знаете вы, какого духа“²⁶), ибо Сынъ чело-
вѣческій пришелъ не погублять души человѣческія, а спасать“.
Слова эти кратки и сострадательны, потому что въ самомъ за-
блужденіи учениковъ, какъ оно ни было вопіюще, заключался еще
корень благородства. Ихъ ревность о Господѣ, ихъ любовь къ
Нему, ихъ преувеличенная оцѣнка гнусности оскорбленія, на-
правленнаго противъ Него — все это было солью добрыхъ по-
бужденій, которыя не давали ихъ дѣйствіямъ сдѣлаться совер-
шенно злыми. Если они и заблуждались, то только въ воображе-
ніи, что любовь къ Нему можетъ быть доказана яростью и мще-
ніемъ противъ тѣхъ, кого они считали Его врагами, и что будто
бы Онъ желалъ, чтобы кто либо долженъ былъ погибнуть, а не
прийти къ покаянію. Это былъ урокъ безконечной нѣжности и
безконечной терпимости, данный на всѣ времена; урокъ, постиг-
нуть который не въ силахъ были въ теченіе цѣлыхъ столѣтій
вожаки религіозныхъ партій и сектъ. Всегда, когда только была
возможность къ тому, они прибѣгали къ цѣпямъ и эшафотамъ;
теперь, когда мірское оружіе отнято изъ ихъ рукъ, они мечутъ
стрѣлами, именно стрѣлами ожесточенныхъ словъ. И они прини-
маютъ это за религію, считаютъ это нѣкоторымъ служеніемъ, благо-
угоднымъ Христу!

Въ евангельскомъ повѣствованіи сыновья Зеведея еще разъ
выдаются изъ среды собратьевъ-апостоловъ, и приэтомъ опять
являются учениками, которые не понимали обѣтованій Христовыхъ
и лишь смутно восприняли Его ученіе. Случай этотъ совершился
въ одинъ изъ самыхъ торжественныхъ моментовъ Его жизни. Отъ
ухищреній и отлученій своихъ враговъ, съ тяжелою оцѣнкою самой
своей головы, Христосъ удалился въ глубокое уединеніе въ малень-
комъ городѣ Ефраимѣ. Тамъ Онъ оставался въ теченіе нѣсколькихъ
недѣль между смертью Лазаря и Пасхою (Іоан. хі, 54), пока съ